

УДК 008(091); 330.3414:339.13

РОДСТВЕННЫЕ, ДЕЛОВЫЕ И СОСЕДСКИЕ СВЯЗИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ ГОРОДОВ ТАМБОВА И МОРШАНСКА В XIX в.¹

© Вера Дмитриевна ОРЛОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
доцент кафедры российской истории, e-mail: roshist@tsu.tmb.ru

Анализируются взаимоотношения представителей семей предпринимателей губернского и уездного городов Тамбовской губернии в разных сферах деятельности. Семейственность в бизнесе была типична для русского купечества. В качестве объекта исследования нами были выбраны преуспевающие купеческие семьи, известные в XIX в. в двух городах Тамбовской губернии. Моршанск был крупным центром транзитной торговли сельскохозяйственной продукцией российского масштаба и значимым речным портом в первой половине XIX в. Тамбов являлся центром деловой и общественной жизни губернии. Новизна исследования определяется микроисторическим подходом к изучению корпоративно-родственных связей торгово-предпринимательских слоев русских городов, обращением к восстановлению истории конкретных семей. Именно корпоративно-родственные связи, включенность во властные и общественные структуры города, поддержка местной администрации и дворянства определяли экономическое положение семьи, ее место в жизни города. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проследить влияние корпоративно-родственных связей на процессы социальной и территориальной мобильности населения провинциальных городов России. Предпринимательская деятельность определяла особенности не только социальной мобильности, но и демографического поведения купечества. Несмотря на то, что изучаемые города были крупными торговыми центрами, имевшими постоянные связи со многими губерниями России, невест выбирали «своих», из хорошо знакомых семей, скорее всего, из-за общих хозяйственных интересов.

Ключевые слова: семья; купечество; семейный бизнес; торгово-предпринимательские слои; семейно-деловая консолидация.

В первой половине XIX в. в российских городах шло формирование новых, прежде всего предпринимательских, слоев населения. Интересно проследить деловые, родственные и соседские отношения предпринимательских слоев населения провинциального города. Исследованием социальной истории города Моршанска успешно занимается М.К. Аколзина [1–3]. Тамбовских предпринимателей изучает В.Д. Орлова [4, с. 45; 5, с. 30–33; 6, с. 39].

В поле нашего зрения оказалось чуть больше 20 купеческих семейных кланов. Мы выбрали тех, кто главным образом занимался торговлей и производством товаров, оставив в стороне крупных домовладельцев и строителей, относившихся к купеческому сословию. Пополнение купечества было результатом не только вертикальной восходящей мобильности местного населения, но и переме-

щения сюда купцов из других территорий. В связи с частными ухудшениями экономической ситуации или усилением налогового пресса правительства на купцов представители этого сословия Моршанска совершали нисходящее движение по социальной лестнице, хотя обычно не опускались ниже уровня мещан. Особым способом выживания купеческого сословия города в условиях активизации в 1820-е гг., а затем кризиса хлебной торговли середины 1850-х гг. стали клиентарные отношения с дворянами, помещиками и чиновниками, семейно-деловая консолидация и территориальная мобильность.

Главным отличием купечества Моршанска от купечества других городов России была его семейно-деловая консолидация в условиях ухудшения экономической конъюнктуры. Консолидация была связана с конкуренцией между принадлежавшими купцам однотипными перерабатывающими предприятиями и сопровождалась разорением части купечества в связи с изменявшимися условиями торговли.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Формирование культуры корпоративных связей торгово-предпринимательских слоев русского провинциального города в первой половине XIX в.», проект РГНФ № 14-01-00384а.

Например, моршанский купец Конон Давыдов на протяжении ряда лет был поверенным господина гвардии полковника Афанасия Даниловича Соломки, по доверенности участвовал в торгах и содержал крупные мельницы и земельные участки в уездах Тамбовской губернии. У него же во владении находилась крупная мельница с сукновальной близ Праволамской волости, в с. Вирятино с ежегодным оброком в 600 руб.; в с. Пичаево содержалась наливная мельница с крупорушкой с ежегодным оброком в 705 руб. Обе мельницы были отданы ему в оброчное содержание Казенной палатой сроком на 12 лет.

У поверенного крестьянина графини И.И. Воронцовой Михайлы Матвеева Луннова многие моршанские дворяне и купцы занимали крупные суммы. Примечательно, что в 1834 г. его сын, Максим Михайлов Луннов, уже был купцом 3 гильдии, а в 1850 г. – купцом 2 гильдии и городским головой Моршанска [7].

Причисленный в 1833 г. из экономических крестьян Макар Филипов Лысковский и его дети в середине XIX в. стали известными не только в Моршанске купцами. Так, купец 3 гильдии Иван Макаров Лысковский, причисленный к купеческому обществу города Кирсанова, шацкий купец Симеон Макаров Лысковский, моршанский мещанин Петр Макаров Лысковский реально проживали в Моршанске.

В первой половине XIX в. в Моршанске в системе родственных связей податных сословий уже просматривалась корпоративная структура, хотя в целом сохранялись характерные для аграрного общества родственные связи.

Новым было то, что число купцов увеличивалось за счет раздела семей, выделения купеческих детей, братьев, племянников и внуков в самостоятельные домохозяйства и соответственного изменения их сословного статуса. Переходили купцы или в мещанство (в большинстве случаев), или повышали свой социальный статус, становясь почетными гражданами.

Купеческий бизнес в первой половине XIX в., как правило, был семейным. Так, моршанский купец 2 гильдии Степан Кондратьев Житков с братьями Яковом и Евдокимом владели сообща лавкой стоимостью

1800 руб. серебром, приносившей ежегодно 300 руб. дохода. В собственности моршанских купцов Поповых в 1828 г. были 6 каменных лавок с усадебной землей стоимостью 15000 руб. ассигнациями на Вознесенской торговой площади. Часто лавки и жилые помещения располагались под одной крышей.

Часть купцов занималась торговой деятельностью в других городах России.

Предпринимательская деятельность всегда была связана с риском, и Моршанскому городскому магистрату часто приходилось разбирать дела о невыплате долгов местными купцами. В этом отношении интересно дело 1846 г. о взыскании денег кредиторами с моршанского купца Василия Иванова Кособрюхова. Он был должен 6 кредиторам 9500 руб. серебром (огромную по тем временам сумму): московскому купеческому сыну по двум векселям, московской купчихе по 6 векселям, своему брату и отцу, влиятельному моршанскому купцу Егору Давыдову, московскому купцу, купцу Рошфор по 4 векселям. И взыскать этот долг с него было весьма трудно. Сам он находился в бегах, недвижимого имущества по документам в Моршанске не имел, а разного товара, принадлежавшего ему, было найдено и описано лишь на 553 руб. серебром [8].

Другой купец, также в 1846 г. признанный судом несостоятельным и находившийся в розыске, Михайла Петров Гусев, был должен 2477 руб. серебром ярославским почетным гражданам братьям Василию и Ивану Семеновым Соболевым и 495 руб. войска Донского торговому казаку Александру Петрову Андропову. Эти факты очень ценны с точки зрения микроистории, поскольку позволяют представить реальные торговые связи моршанского купечества. Сам М.П. Гусев признал эти долги, но выплатить их не мог, причем объяснил это тем, что хотя и имел дом, но тот находился в залоге у его матери – мещанки Пелагеи Гусевой – с 1836 г. за 5000 руб. ассигнациями. В лавке же, в которой он торговал по контракту, все (товары и винный погреб) принадлежало моршанскому купцу Гавриле Котельникову. М.П. Гусев Г. Котельниковым был принят «в товарищи» для торговли овощами и винами и вложил в дело 20000 руб. ассигнациями. Городской полицией было описано и оценено товаров на

1200 руб. серебром, которые пошли на покрытие долга М.П. Гусева. Магистрат вынес решение о розыске должников и отдаче их под стражу. Для этого было составлено объявление о наложении запрета на продажу и залог движимого и недвижимого имущества должников и об аресте их движимого имущества [9].

В 1816 г. Тамбовская удельная контора заключила контракт с моршанским купцом Петром Тихоновым об отдаче ему в 4-летнее содержание мельницы, располагавшейся в даче с. Серповое «из объявленного с окончательных торгов оброка на 5230 руб. в год» [10].

С 1808 по 1832 г. в оброчном содержании моршанского купца Сорокина находилась крупная «хлебомольная» мельница, располагавшаяся при с. Ракше Моршанского уезда, за которую он выплачивал ежегодно по 1054 руб. 73 коп. [11].

Самая крупная мельница принадлежала моршанскому купцу Сливину. Она находилась при с. Давыдове и облагалась оброком в 3025 руб. серебром. Чтобы оставить ее за собой, купец на очередных торгах 1816 г. повысил сумму оброка на 1975 руб. в год, предоставил «благонадежный» залог и обошел всех конкурентов, среди которых был инженер англичанин Кларк. Мельница стоила того. Ежемесячно от помола ее хозяин выручал по 1500 руб. серебром, в среднем по 50 руб. в день [12].

Купцы заключали договоры о коммерческой деятельности. Так, в 1830 г. моршанский купец Гаврила Герасимов Васильев с товарищами, моршанским купцом Иваном Федотовым Родионовым и тульским мещанином Иваном Тупинкиным, заключили договор с ряжским помещиком Федором Андреевым Сухаревым на куплю лесной рощи в Ряжском уезде при с. Кензене для вырубki на 10-летнее содержание за 8000 руб. и 1000 руб. задатка. По контракту им было разрешено построить поташный завод [13].

Все владельцы заводов Моршанска были указаны в Списке фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 г. В этот перечень был включен и владелец единственного в городе свечносального завода Кондратий Михайлов. Крупными кожевенными предприятиями руководили купцы Матвей Якжин (Янжин) и Егор Толмачев. В собственности Карпа и Егора Смесовых находилась пря-

дильная фабрика, производившая канаты и бечеву. Самым крупным промышленником города в 30-е гг. XIX в. был владелец трех салотопенных заводов с числом рабочих 27 человек, купец 2 гильдии Карп Ильин Смесов. В 1831 г. у него же находились в собственности лесные дачи у с. Кутли.

Предпринимательская деятельность определяла особенности социальной мобильности и демографического поведения купечества. Представители провинциального предпринимательства старались по возможности продвинуться в более высокую страту. В первой половине XIX в. брак был одной из форм повышения социального статуса. Так, в метрических книгах церковью Моршанска встречаются записи о венчании купеческого сына и дочери коллежского регистратора; неслужащего дворянина, сына статского советника, и дочери моршанской почетной гражданки; приписанного к г. Тамбову, «но коренного жителя Моршанска» мещанина и купеческой дочери; временного жителя города, титулярного советника и купеческой дочери [14].

Интересен пример социальной мобильности Василия Алексея Кособрухова. Удельный крестьянин моршанской пригородной слободы женился на мещанке и к 39 годам стал уже купцом. Чтобы закрепить свое положение, выдал 15-летнюю дочь Екатерину за купеческого сына Александра Акулова, представителя известной и влиятельной в Моршанске купеческой семьи.

Более позднее вступление в брак купцов Моршанска объясняется их активной хозяйственной деятельностью, стремлением «стать на ноги», обзавестись капиталом для ведения собственного дела до заключения брака, а потом выбрать невесту из богатой семьи. В целом брачное поведение купечества было характерным для традиционного общества. Несмотря на то, что город был крупным торговым центром, имевшим постоянные связи со многими губерниями России, невест выбирали «своих», из хорошо знакомых семей, скорее всего, из-за общих хозяйственных интересов.

Подавляющее большинство тамбовских родственных кланов были уроженцами Тамбовской губернии и вели свой бизнес в масштабах этого губернского города. Разные купеческие фамилии не одновременно занялись

предпринимательством. Наиболее интересными для раскрытия темы являются корпоративно-родственные отношения моршанской семьи Тюлюкиных, потомков отпущенного на волю крестьянина г-на Нарышкина Дмитрия Ефимовича Тюлюкина. Клан Тюлюкиных был одним из самых богатых и влиятельных в Моршанске. Они вели активную торгово-предпринимательскую деятельность, занимались благотворительностью, финансировали постройку церквей как в Моршанске, так и уезде, участвовали в управлении городом.

Началом семейного бизнеса братьев-судовладельцев Тюлюкиных стала скупка и крупные поставки зерна из Моршанска [15]. Но они занимались не только перевозкой сельскохозяйственных грузов, но и их переработкой. В 1810–1820-е гг. в содержании у Алексея Тюлюкина находились две крупные оброчные мельницы при селе Давыдове на речке Серп. Вместе с родственником Карпом Смесовым Алексей Тюлюкин длительное время содержали две мукомольные мельницы, принадлежавшие помещикам Томилиным. Одновременно купцы получили право на владение землей, принадлежавшей мельницам. В собственности у Федора Тюлюкина были салотопенные заводы и склады, «береговые места», использовавшееся для складирования сплавляемого хлеба. Моршанский купец Тюлюкин платил сверх установленной суммы оброка ежегодно 150 руб. за береговое место в дачах с. Старое Устье по течению р. Цны, использовавшееся для складирования сплавляемого хлеба, чтобы Казенная палата не передала его многим другим желающим [16]. В Борисоглебском уезде проходила дорога Борисоглебск–Усмань по земле, находившейся во владении моршанского купца 2 гильдии Алексея Дмитриевича Тюлюкина «на коей поселян хутор». Недалеко, в селе Завьялово Балашовского уезда Саратовской губернии, находилась вотчина его бывшего господина А.Л. Нарышкина, куда в 1812 г. были перевезены крепостные крестьяне из села Заметчино Тамбовской губернии. И у Алексея, и у Федора Тюлюкиных были дворовые. Об этом мы узнаем опосредованно, через записи в метрических книгах (больше никакие документы наличие дворовых у купцов не зафиксировали).

Дети Тюлюкиных занимались уже другими видами коммерческой деятельности, владели салотопенными предприятиями с наемными работниками [17]. Для этого нужно было иметь очень хорошие связи с представителями городских властей и бизнес-элиты.

Жилые дома братьев Тюлюкиных, впрочем, как и других купцов, в т. ч. и их родственников, располагались в непосредственной близости от предприятий, пристани и складских помещений, на берегу реки Цны. Это представляло опасность для судоходства в случае пожара [18].

В сохранившихся ревизских сказках г. Моршанска зафиксировано несколько малых семей клана Тюлюкиных: братьев Трифона, Ермила, Агафона Федоровичей и братьев Ивана, Афанасия и Николая Ивановичей (племянники Ермила).

Для того чтобы утвердиться в высококонкурентной торгово-предпринимательской среде Моршанска, Тюлюкины использовали не только патронат бывшего помещика, но и выдвижение и укрепление во властных структурах города, а также семейно-родственные связи.

Корпоративно-родственные связи семьи Тюлюкиных хорошо прослеживаются по материалам метрических книг. Как в деловой, так и личной жизни представители семьи предпочитали контакты с выходцами из окско-волжских городов, «нужными» людьми. Так, в одном только 1811 г. Ермил Федорович Тюлюкин был восприемником, т. е. крестным, у детей влиятельных моршанских купцов Умниковых, Городковых и Смесовых [19].

В семье Тюлюкиных очень ответственно относились к выбору супругов. Об определенной сословной замкнутости брачного поведения членов семьи свидетельствует то, что жен братья выбирали из богатых и влиятельных семей, с которыми были налажены (или предполагались) экономические связи, что позволяло проникать и в сферу управления городом, рождались с «нужными» людьми. Также это было связано с высокой конкуренцией между принадлежавшими купцам однотипными перерабатывающими предприятиями и с опасностью разорения в связи с изменявшимися условиями торговли в середине XIX в. Существует вероятность, что эти

семьи принадлежали к старообрядчеству. Интересно, что поручителями (свидетелями) на бракосочетании, кумовьями или крестными были, как правило, не представители местного купечества, а дворяне, чиновники – представители управленческих структур или купцы, выходцы из окско-волжских городов, а также отпущенники от г. Нарышкиных.

Женитьба братьев Тюлюкиных, «чужих» для моршанского купечества, занимавшегося однотипными видами деятельности, на представительницах богатых и влиятельных «местных» семейств позволяла им войти в сферу провинциальной административной и бизнес-элиты. Так, только путем заключения браков, из 30 владельцев самого крупного в Моршанске салотопенного производства в 1830-е гг. 11 были родственниками Тюлюкиных. Это представители семей купцов, зафиксированных уже в ревизии 1782 г., первой после получения Моршанском статуса города, Алексеевых, Медведевых, Смесовых, Шубиных, Сливиных, Золотовых, Кожиных. Среди 28 моршанских купцов, вытапливавших говяжье и баранье сало, вошедших в Список фабрикантов и заводчиков Российской империи 1832 г. [20], были Тюлюкины Алексей, Федор и Ермил и их родственники купчиха Медведева, Сливин Иван, Смесовы Карп и Егор, купчиха Шубина Пелагея. Четверо из них, в т. ч. и купец 2 гильдии Карп Ильич Смесов, тесть Ермила Тюлюкина, владелец прядильной фабрики, одного из самых крупных предприятий Моршанска, имевших общероссийское значение [21, с. 130, 157, 322], Дорофей Кожин, которого сменил Ермил Тюлюкин на посту городского головы, были включены в алфавитный список потомственных почетных граждан Российской империи [22, с. 258, 261, 277].

Вольноотпущенники брата Тюлюкины были женаты на дочерях самых известных на протяжении всего XIX – начала XX в. моршанских родов: Сливиных, Фоминых, Алексеевых, Золотовых.

Через браки детей Тюлюкины породнились с представителями крупных богатых и влиятельных семейств Моршанска – купцов Марковых, Медведевых, Алексеевых, Никифоровых, Шубиных, моршанского, а затем тамбовского купца Никиты Григорьевича Куприянова.

Таким образом, на примере этой большой семьи видно, что корпоративно-родственные связи были не только фактором социальной и территориальной мобильности торгово-предпринимательских слоев провинциального города, но и способом выживания в трудных условиях конкуренции на хлебном рынке России в первой половине XIX в.

Конкуренция в торгово-предпринимательской деятельности во второй половине XIX в. была гораздо острее. Деловым центром губернии являлся Тамбов. Туда стремились купеческие семьи из уездных городов. Еще в 1831 г. купец второй гильдии Андреян Семенов, сын Сорокин из Моршанска, приобрел билет на лавку в городе Тамбове. В 1835 г. Андреян Сорокин, купец, имел уже 3 дома общей стоимостью 20 тыс. руб. в Тамбове в 32 квартале. Они и стали центром родового гнезда Сорокиных в Тамбове. Сын Андреяна, почетный гражданин Петр Андреевич Сорокин, в 1868 г. с капиталом 6 тыс. руб. просил разрешения торговать по свидетельству купца второй гильдии. Два его дома стояли рядом, а третий – отдельно. Их унаследовали сыновья, почетные граждане Николай, Петр и Алексей. Алексей Петрович Сорокин, почетный гражданин, имел в 1914 г. дом в том же 32 квартале по Знаменской 21.

Николай Петрович Сорокин чаще фигурирует в документах как потомственный почетный гражданин, но в 1905–1908 гг. числится купцом. Он избирался в гласные в Тамбовскую городскую думу в 1891–1908 гг. В 1892–1901 гг. был директором губернского попечительного о тюрьмах комитета. Его брат Петр был членом этого же комитета [23].

Изучить родословную каждой купеческой семьи XIX в. не представляется возможным, но такая цель и не ставилась. Метрические книги все более многочисленных городских церквей сохранились не полностью. Зато сохранились разнообразные источники, отражающие развитие общественной жизни губернского центра, а также окладные книги, свидетельствующие о купеческой недвижимости.

Среди активных во второй половине XIX в. тамбовских купцов были малые семьи из родителей и детей, в которых младшее поколение продолжало дело старшего, степени родства прослеживаются (Багрянцевы,

Шоршоровы, Широковы). Нам известно об участии в бизнесе только двух поколений этих семей. Были расширенные семьи с братьями-совладельцами (Носовы, Патутины, Исаевы, Замятины). Были семьи, в которых активную деловую роль играла женщина, обычно вдова (Егоровы). И, наконец, были два родственных клана со сложной разветвленной многопоколенной родственной сетью – Аносовы и Толмачевы. Степень родства между малыми семьями этих фамилий не всегда ясна. Принадлежность конкретной семьи к одному из названных типов не может быть жесткой, т. к. на протяжении десятилетий сменялись поколения и их активность в бизнесе.

Для большинства из рассматриваемых нами купеческих фамилий типично декларирование название своего дела с подчеркиванием его семейного характера: «такой-то и сыновья», «братья такие-то», «наследники такого-то» и т. п. Это свидетельствует о желании выглядеть в глазах конкурентов сплоченной противостоящей силой, а в глазах клиентов – идеальным патриархальным семейством. Горожане обычно называли магазины, употребляя фамилию владельца во множественном числе. Социальные связи каждой купеческой семьи не ограничивались родственниками и кумовьями. Каждый купец имел некие горизонтальные связи и обеспечивал за счет этого более гибкие и адаптивные формы организации дела. Степень развития горизонтальных коммуникаций позволяет судить о переходе от традиционного к модернизирующемуся обществу.

Некая социальная сеть у предпринимательских семейств была. Насколько они сами это осознавали – сказать сложно. Но залогом успеха и повышения престижа было информирование горожан о своем успешном предпринимательстве. Об этом свидетельствуют фасады домов и магазинов этих купцов. Большинство зданий сохранились до XXI в. Они строились и перестраивались в модном архитектурном стиле модерн. Одной из наиболее шикарных купеческих усадеб была усадьба Аносовых на центральной Большой улице. Дом Егоровых на тихой Дубовой улице не мог конкурировать с подобными архитектурными изысками. Но в решетке ограды был выкован вензель Дмитрия Егорова. Для кого? Соседи и так знали, кто живет по ту

сторону забора. Значит, мнение даже случайного прохожего было важно.

Губернский город требовал коммуникации деловых людей. Одна связь влекла за собой последующие. Расположение жилья и предприятий явно свидетельствует о соседских связях. Можно говорить о районе компактного проживания рассматриваемых нами семей. Это самый центр Тамбова, тяготеющий к базару. Земля под застройку здесь была самой дорогой. Во второй половине XIX – начале XX в. сложился архитектурный облик главных торговых кварталов города. Судя по сведениям из окладных книг, интересующие нас семьи нередко не просто жили очень близко, но арендовали друг у друга лавки и производственные помещения (склады, дворы и т. п.), исходя из предпринимательской выгоды.

Толмачев Александр Иванович жил на Гимназической наискосок через дорогу от Толмачевых Федоровичей. Наверняка они общались, т. к. торговали хлебобулочными изделиями, имели свои пекарни и воспринимались горожанами как компаньоны, хотя, скорее, были конкурентами.

Багрянцевы и Широковы жили в соседних домах по Носовской. При этом Багрянцевы арендовали лавку в доме Широкова, а часть торговых помещений в собственном доме сдавали в аренду третьим лицам. Мыловаренный заводик Багрянцевых был во дворах этого же квартала, но на земле Асеевых. Двор Багрянцевых был своего рода платной стоянкой для лошадей крестьян, приехавших торговать. Въездная арка в этот двор расположена как раз напротив базара. Столярная мастерская Широковых была тоже в этом квартале, но через три двора и на земле Патутина.

Ряшенцевы сдавали часть торговых помещений на Гимназической Асеевым, которым принадлежал соседний дом. В свою очередь, Асеевы сдавали внаем абсолютно все помещения принадлежавшего им строения на этой бойкой торговой улице. Такие хитрые взаимопереплетения недвижимости требовали личных контактов владельцев и арендаторов и умения находить взаимовыгодные решения.

Уплотнение застройки городских усадеб было типично для второй половины XIX – начала XX в. В кварталах близ базара выгод-

нее всего были торгово-производственные, а не жилые, как на тихих улочках, постройки. Анализ характера вышеперечисленных предприятий показывает мотивы такого перекрестного их размещения. Мыловарение – производство вонючее. Зачем же устраивать его во дворе своего жилого дома? А владелец двора, где заводик поставили, жил очень далеко от этого объекта своей недвижимости. Столярное производство очень шумное. И его разместили там, где домовладелец не проживал. Мнение квартиросъемщиков верхних этажей не интересовало хозяев предприятий. Квартиранты должны были понимать, что выбрали и так самую беспокойную часть города.

Во второй половине XIX в. младшие поколения купеческих семейств получали среднее образование. В городе было всего две мужских гимназии, реальное училище, одна министерская и две частных женских гимназии. Так что молодые наследники были еще и однокашниками. А их отцы частенько являлись почетными попечителями этих же учебных заведений, знали директоров и педагогов.

Нельзя забывать о церковных приходах. Купцы-соседи виделись еще и в храме. Пусть в центре города было много церквей, но в Тамбове богатые семьи часто отдавали предпочтение благолепной Уткинской церкви, в часовне возле которой хранилась чудотворная икона Тамбовской Божьей Матери. Религиозность купечества иногда рассматривают только как признак традиционного менталитета. Многие купцы были активными жертвователями на нужды храма и прихода. Но ведь тем самым они заводили обширные неформальные знакомства среди прихожан разного социального положения и пользовались благосклонностью духовенства, в т. ч. и монашествующего. А монастырь – это монастырское хозяйство и широчайшие связи в любых кругах, в т. ч. за пределами города.

Глубоко верующий человек, Андрей Михайлович Носов перед смертью завещал участок земли и капитал для основания мужского монастыря (Носовский Преображенский мужской монастырь) [24, с. 401]. В.М. Аносов внес большие пожертвования на строительство Христорождественского собора, обустройство церкви в тамбовском Вознесенском женском монастыре, на со-

держание неимущих семинаристов. В 1905 г. подарил Вознесенскому монастырю 288 десятин земли в Кирсановском уезде. Многие купцы были старостами домовых и городских церквей. С одной стороны, это делалось на помин души. Но с другой стороны, имя жертвователя становилось известно верующим. А мнение верующих о богоугодном купеческом семействе становилось важным для наследников дела.

Купеческая благотворительность была достаточно щедрой. Но среди всех жертвователей особо выделались Носовы и А.И. Толмачев. Полагаем, что этому способствовала некая «компактность» их благотворительных заведений, носивших имя благодетелей. Горожане воспринимали не совокупную сумму пожертвований на бедных, а солидное здание в центре города. Их уже не интересовало, что для нормального функционирования высшего начального училища им. А.И. Толмачева требовались крупные капиталовложения других купцов. М. Шоршоров был почетным смотрителем Толмачевского училища, обеспечивал учащихся из бедных семей школьной формой, обувью и учебниками [24, с. 680]. Финансовую поддержку этому учебному заведению оказывали также Патутины и Асеевы [25, с. 275].

Некоторые свойства социальных сетей не укладываются в рамки традиционной иерархической связи. К таким свойствам относятся и т. н. слабые связи. К слабым связям относят, например, взаимоотношения с людьми, не входящими в повседневный круг общения индивидуума или группы. Сравнительно недавно экспериментально было доказано, что именно слабые связи значительно расширяют масштабы привлекаемой информации. На содержательном уровне это подтверждает важную роль, например, слухов в обществах, где средства коммуникации находятся в дотехнологическом состоянии. Полагаем, что городские слухи о щедрости Носовых и Толмачевых, а также внушаемая обитателям благотворительных заведений благодарность добрым опекунам немало способствовали формированию местного делового имиджа этих семейных кланов.

Андрей Михайлович Носов в 1883 г. был избран Почетным гражданином города Тамбова. Он разбогател на скототорговле, приобрел более 6 тыс. десятин земли в Борисог-

лебском уезде и начал вести там рациональное хозяйство. В 1869 г. учредил Тамбовскую городскую богадельню, для которой были построены 4 каменных корпуса с Лазаревской домовою церковью, а позже открыты приюты для больных и странников, для сирот мальчиков и девочек. По инициативе Носова и на его средства в Тамбове были открыты ночлежный дом и бесплатная лечебница его имени, ремесленное училище. Всего в благотворительных заведениях Носова содержались около 700 человек. За благотворительную деятельность А.М. Носов был награжден орденом Анны 3 степени и Станислава 3 степени. [24, с. 401]. Именем благотворителей Носовых была даже названа улица.

Но, вероятно, содержание «собственно-го» благотворительного заведения могло породить меньше социально неоднородных деловых связей, чем активное участие в деятельности разных учреждений этого рода. Свои коммуникативные возможности давало членство в благотворительных организациях. Купцы частенько были членами благотворительного комитета при городской управе. Он занимался распределением пожертвований. Получалась парадоксальная ситуация: сам жертвовал – сам и распределил. Но распределялись-то не только деньги, но и подряды на снабжение богоугодных заведений, их ремонт и т. п. Здесь уже можно и о коммерческой выгоде подумать.

На городское благоустройство жертвовали самые успешные купцы: Носовы, Исаевы, Шоршоровы, Аносовы. В 1860–1870-е гг. А.М. Носов входил в комитет по благоустройству Тамбова, организовал сбор пожертвований на благоустройство набережной Цны, разбивку скверов и цветников. Несомненно, в этом был и элемент саморекламы. В сквере Шоршорова имя жертвователя было отлито на чугунных ножках скамеек: чтобы не забывали и не украли. Забота об облике города позволяла запечатлеться в сознании людей не просто торговцем, но и городским деятелем.

Во многих общественных организациях их члены-купцы были казначеями. Считать-то умели. Но в столь популярных организациях, как попечительный о тюрьмах комитет, общество спасения на водах, Красный Крест, общество любителей конского бега и других состояло и много дворян-чиновников. У ка-

значеев могли сложиться деловые знакомства с выходом за пределы одного города.

В городе Тамбове выделялись несколько известных купеческих семейств, члены которых не только занимались организацией производства и сбыта товаров, но и активно участвовали в жизни города. При этом логично предполагать, что, избираясь в различные органы местного самоуправления, они преследовали и свои деловые интересы. Популярны были одни и те же места: городская дума, мещанская управа, учреждения по налогам. Наверняка появлялись нужные знакомства в чиновно-дворянской среде.

Многие купцы за свою жизнь успевали поработать на самом разном общественном поприще. Например, Авдей Леонтьевич Носов в 1817 г. был выбран купеческим старостой, в 1822–1834 гг. был заседателем в гражданской и уголовной судебных палатах. П.Г. Аносов в 1810–1830-е гг. был заседателем приказа общественного призрения, ктитором церкви Николая Чудотворца, заседателем в совестном суде. В.М. Аносов в 1870–1900-е гг. был членом губернского податного присутствия, почетным мировым судьей, земским гласным, казначеем общества попечения о раненых и больных воинах, попечителем нескольких учебных заведений. Но некоторые имели одно общественное поприще. Владелец паровой вальцовой мельницы купец Дмитрий Федорович Егоров состоял членом городского по фабричным и горно-заводским делам присутствия. Он был членом представителем от фабрикантов [26].

А.И. Толмачев являлся гласным Тамбовской городской думы, казначеем Общества охотников конского бега и др. [24, с. 604–605], членом и казначеем тамбовского окружного управления Императорского Российского Общества спасения на водах [27].

Общественная активность членов одной семьи бывала разной. Федор Толмачев числится в 1869 г. в списке лиц, имеющих право участвовать в городских выборах. Первое обнаруженное нами упоминание о Степане Федоровиче Толмачеве, купеческом сыне, относится к 1891 г., когда он впервые был избран в гласные городской думы. Он избирался в нее на сроки 1891–1896, 1897–1902, 1909–1912, 1917 гг. В 1910 г. Степан Федорович Толмачев, купеческий сын, был членом губернского попечительного о тюрьмах

комитета, членом городского благотворительного комитета. Умер в 1917 г. Его брат Александр Федорович (1857 – после 1917) был избран в гласные городской думы в 1917 г., других общественных обязанностей не имел.

Отцы и сыновья часто были членами разных общественных организаций. Несомненно, это расширяло коммуникативные связи семьи в целом. Например, в 1892 г. купец Степан Григорьевич Ряшенцев был директором губернского попечительного о тюрьмах комитета, членом губернского податного присутствия. Его сын Александр Степанович был в 1910 г. членом городского по квартирному налогу присутствия, товарищем председателя правления общества взаимного вспоможения приказчиков в городе Тамбове [28]. Сергей Матвеевич Патутин – многолетний гласный городской думы, член губернского податного присутствия, благотворительного комитета, Тамбовского уездного воинского присутствия. Его брат Федот Матвеевич был гласным городской думы и членом правления общества «Работный дом». А Александр Федотович состоял членом местного управления Российского общества Красного Креста [24, с. 431].

До общероссийского уровня смог подняться Александр Николаевич Аносов. Он окончил юридический факультет Московского университета. Занимался сельским хозяйством в Софьинском имении отца в Никольско-Кабаньевской волости Борисоглебского уезда (свыше 6 тыс. дес.). Избирался гласным Тамбовского губернского и Борисоглебского уездного земств. Член 4 Государственной думы (1912–1917) от Тамбовской губернии, входил во фракцию октябристов [24, с. 32].

Организация страхования имущества и жизни тоже расширяла деловые связи семьи. Конторы нескольких страховых обществ располагались в купеческих домах, купцы бывали тамбовскими агентами этих обществ. О нарушениях в организации страхования в интересах агентов мы не знаем. Но предположить, что хорошо знакомое страховое общество «держалось про запас» – можем.

Михаил Николаевич Багрянцев (1877 – после 1917) состоял членом губернского по налогу с недвижимости присутствия, собрания приказчиков, вольного пожарного общества, был помощником начальника пожарной команды [24, с. 48]. Столь трепетную заботу

о противостоянии огню можно объяснить тем, что Багрянцевы торговали керосином. Был он и агентом страхового общества «Россия» (по другим данным «Второго Российского»). Контора страхового общества располагалась в его доме [29]. Эти страховые общества специализировались на транспортном страховании грузов при транспортировке их по суше: от поражения огнем, молнией, обвалами, наводнениями, а также от злого умысла посторонних лиц, открытого или тайного хищения [25, с. 225]. Это явно полезные страховые случаи при перевозках нефтепродуктов.

В доме Исаевых на улице Долгой в конце XIX в. располагалась контора страхового общества «Волга», представителем которого в Тамбове был В.А. Исаев. «Волга» страховала имущество, товары, хлеба, фабрики, заводы, выигрышные билеты от тиражей погашения и продажи, ценные бумаги. Заключались договоры страхования жизни, на дожитие, капиталов, рент, приданого. В Сборнике-календаре Тамбовской губернии за 1903 г. В.А. Исаев назван агентом «Русского Страхового общества».

Егоровы застраховали свою мельницу в обществе взаимного страхования от пожаров «Саламандра». Но они просчитались в сумме страхового взноса. После большого пожара в сентябре 1901 г. они получили возмещение, но ущерб превысил страховую сумму [30, с. 96].

Особую важность для купечества представляли финансовые связи. Поэтому причастность к банковскому делу можно считать серьезным успехом в построении социальной сети семейства. Вряд ли случайно в доме Шоршорова располагался тамбовский филиал коммерческого Волжско-Камского банка. Ведь Шоршоровы вели дела не только в Тамбове, но и в Нахичевани, Екатеринодаре, Москве, Воронеже.

Председателем общества взаимного кредитования был представитель крупного купечества, почетный потомственный гражданин, директор Мариинского приюта И.К. Крюченков. Это было кредитное учреждение, хозяевами которого являлись сами заемщики, связанные круговой порукой. Заседания общества проходили в доме Крюченкова на Тезиковской улице [25, с. 160]. Интересно, что среди благотворителей и членов попечительского совета Мариинского

приюта (учреждения общероссийского подчинения) были родственники Крюченковых по женской линии – Асеевы. Эти факты говорят об очень сложной социальной сети этого клана, требующей специального исследования.

Вероятно, главы тамбовских преуспевающих купеческих фамилий были знакомы. Были ли это отношения приятельскими – трудно сказать. Но разделение сфер их предпринимательской деятельности было очень четким.

В сфере производства и сбыта продуктов питания фамилии владельцев лучших магазинов были «говорящими» для нескольких поколений покупателей: Егоровы (мука), Толмачевы (хлебобулочные и кондитерские изделия), Носовы (мясо), Аносовы (рыба), Селезневые (мясо и бакалея), Багрянцевы (мармелад, халва), Замятины (табак). Самый большой из вышеперечисленных семейный клан булочников Толмачевых оставался в памяти состарившихся покупательниц до начала 1970-х гг. Посылая внучек за булками, бабушки настаивали, что надо сбежать пусть и подальше, но непременно в «толмачевский» магазин.

Конкуренция в торговле тканями была более сложной: Исаевы (шерстяные ткани и меха), Патутины (шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные), Асеевы (сукна и шерстяные ткани, одежды собственного производства), Шоршоровы (различная мануфактура), Аносовы (различная мануфактура). Если судить по исторической памяти горожанок, то по качеству шерстяных тканей покупательницы выделяли Асеевых. А вот по магазинному сервису и рекламе, бесспорно, лидировали Патутины. Они лучше всех учили в розничной торговле тканями женские капризы. Приказчики их магазина были в курсе модных тенденций, получали каталоги столичных фирм. Остальные фамилии были забыты.

В производстве и сбыте стройматериалов было не так людно: Замятины (кирпич и изразцы), Аносовы (железо-скобяные изделия, краска), Широковы (столярные изделия). Мыло производили и продавали Замятины и Багрянцевы. Причем, у Багрянцевых были дешевые, простые сорта, пригодные и для стирки, и для мытья. В витрине их лавки стоял огромный кусок «мраморного» мыла.

Посудой торговали Багрянцевы (стекло, Кузнецовский фаянс) и Аносовы (хрусталь, фарфор, металл). Крупных конкурентов керосиновым лавкам Багрянцевых не было.

Гостиничным бизнесом, наряду с торговлей, занимались Аносовы, Шоршоровы. Крупное землевладение в уездах Тамбовской губернии имели Носовы, Аносовы, Толмачевы, Патутины. Сдавали доходное жилье и торговые помещения внаем все исследуемые купеческие семьи.

Проведенное исследование свидетельствует, что каждый из успешных семейных купеческих кланов усилиями своей мужской части построил систему связей с расчетом на успешное развитие своего бизнеса и формирование благоприятного общественного мнения о себе. Неформальные связи женской половины семейств требуют специального изучения.

1. *Акользина М.К.* Корпоративно-родственные связи как фактор социальной мобильности торгово-предпринимательских слоев населения провинциального города России в первой половине XIX в. // *Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв.: материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук.* Липецк, 2013.
2. *Акользина М.К.* Изменение социальной структуры населения уездного города в первой половине XIX в. (по материалам Моршанска Тамбовской губернии). Тамбов, 2010.
3. *Акользина М.К.* Моршанск – хлебный порт России (середина XVIII – середина XIX в.). Тамбов, 2011.
4. *Орлова В.Д.* Недвижимость в Тамбове в начале XX в. // *Регион 68.* 2014. № 7-8.
5. *Орлова В.Д.* Тамбовские предприниматели на рубеже XIX и XX вв. // *Деловой Тамбов.* 2014. № 2.
6. *Орлова В.Д.* Тамбовские предприниматели-пищевики начала XX в. // *Регион 68.* 2014. № 5-6.
7. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1263. Л. 20; Ф. 12. Оп. 1. Д. 1373. Л. 48, 121.
8. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 25-27об.
9. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 21-24об.
10. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 42. Л. 263.
11. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 100. Л. 94об.-97об.
12. ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 42. Л. 92, 165-166об.
13. ГАТО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 30. Л. 31-32об.

14. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 6192. Л. 88об.; Д. 5168. Л. 93об.; Д. 6192. Л. 83; Д. 5168. Л. 131об.
  15. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 289.
  16. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-2об.; Ф. 142. Оп. 1. Д. 15. Л. 29-31об.
  17. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 681; Д. 728. О. ц. Л. 60-92об., 106-131.
  18. ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 619. Л. 1-2об.
  19. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 1518. Л. 2; Д. 1519. Л. 13об.
  20. Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 г. Сост. в Департаменте мануфактур и внутренней торговли. Спб., 1833. Ч. 2.
  21. Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг. Спб., 1816.
  22. *Петров А.* Памятная книжка Российской промышленности на 1843 год. М., 1843.
  23. ГАТО. Ф. 16. Оп. 20. Д. 5. Л. 121; Ф. 143. Оп. 3. Д. 773. Л. 1об.
  24. Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов, 2004.
  25. *Молчанова Г., Олонцева Н., Щукин Ю.* Старый Тамбов от А до Я. Тамбов, 2004.
  26. Сборник-календарь Тамбовской губернии. 1903. Тамбов, 1904.
  27. Почетные граждане города Тамбова. Тамбов, 1997.
  28. Адрес-календарь 1892, 1910.
  29. ГАТО. Ф. 143. Оп. 3. Д. 773. Л. 2; Ф. 17. Оп. 45. Д. 789. Л. 168.
  30. *Горелов А.А., Щукин Ю.К.* Тамбов. Центральная часть: справочник-путеводитель. Тамбов, 1999.
-
1. *Akol'zina M.K.* Korporativno-rodstvennye svyazi kak faktor sotsial'noy mobil'nosti torgovo-predprinimatel'skikh sloev naseleniya provintsial'nogo goroda Rossii v pervoy polovine XIX v. // Rossiyskaya gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh ee sozidateley: IX–XXI vv.: materialy oblastnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po problemam gumanitarnykh nauk. Lipetsk, 2013.
  2. *Akol'zina M.K.* Izmenenie sotsial'noy struktury naseleniya uездного goroda v pervoy polovine XIX v. (po materialam Morshanska Tambovskoy gubernii). Tambov, 2010.
  3. *Akol'zina M.K.* Morshansk – khlebnyy port Rossii (seredina XVIII – seredina XIX v.). Tambov, 2011.
  4. *Orlova V.D.* Nedvizhimost' v Tambove v nachale XX v. // Region 68. 2014. № 7-8.
  5. *Orlova V.D.* Tambovskie predprinimateli na rubezhe XIX i XX vv. // Delovoy Tambov. 2014. № 2.
  6. *Orlova V.D.* Tambovskie predprinimateli-pishcheviki nachala XX v. // Region 68. 2014. № 5-6.
  7. ГАТО (Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti). F. 4. Op. 1. D. 1263. L. 20; F. 12. Op. 1. D. 1373. L. 48, 121.
  8. ГАТО. F. 142. Op. 1. D. 51. L. 25-27ob.
  9. ГАТО. F. 142. Op. 1. D. 51. L. 21-24ob.
  10. ГАТО. F. 20. Op. 1. D. 42. L. 263.
  11. ГАТО. F. 20. Op. 1. D. 100. L. 94ob.-97ob.
  12. ГАТО. F. 20. Op. 1. D. 42. L. 92, 165-166ob.
  13. ГАТО. F. 142. Op. 1. D. 30. L. 31-32ob.
  14. ГАТО. F. 1049. Op. 1. D. 6192. L. 88ob.; D. 5168. L. 93ob.; D. 6192. L. 83; D. 5168. L. 131ob.
  15. ГАТО. F. 12. Op. 1. D. 289.
  16. ГАТО. F. 12. Op. 1. D. 6. L. 2-2ob.; F. 142. Op. 1. D. 15. L. 29-31ob.
  17. ГАТО. F. 4. Op. 1. D. 681; D. 728. O. ts. L. 60-92ob., 106-131.
  18. ГАТО. F. 29. Op. 1. D. 619. L. 1-2ob.
  19. ГАТО. F. 1049. Op. 4. D. 1518. L. 2; D. 1519. L. 13ob.
  20. Spisok fabrikantam i zavodchikam Rossiyskoy imperii 1832 g. Sost. v Departamente manufaktur i vnutrenney trgovli. Spb., 1833. Ch. 2.
  21. Vedomosti o manufakturakh v Rossii za 1813 i 1814 gg. Spb., 1816.
  22. *Petrov A.* Pamyatnaya knizhka Rossiyskoy promyshlennosti na 1843 god. M., 1843.
  23. ГАТО. F. 16. Op. 20. D. 5. L. 121; F. 143. Op. 3. D. 773. L. 1ob.
  24. Tambovskaya entsiklopediya / gl. nauch. red. L.G. Protasov. Tambov, 2004.
  25. *Molchanova G., Olontseva N., Shchukin Yu.* Staryy Tambov ot A do Ya. Tambov, 2004.
  26. Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii. 1903. Tambov, 1904.
  27. Pochetnye grazhdane goroda Tambova. Tambov, 1997.
  28. Adres-kalendar' 1892, 1910.
  29. ГАТО. F. 143. Op. 3. D. 773. L. 2; F. 17. Op. 45. D. 789. L. 168.
  30. *Gorelov A.A., Shchukin Yu.K.* Tambov. Tsentral'naya chast': spravochnik-putevoditel'. Tambov, 1999.

Поступила в редакцию 8.12.2014 г.

UDC 008(091); 330.3414:339.13

RELATED, BUSINESS AND NEIGHBOR'S RELATIONSHIP OF BUSINESS FAMILIES OF TAMBOV AND MORSHANSK IN 19th CENTURY

Vera Dmitriyevna ORLOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor of Russian History Department, e-mail: roshist@tsu.tmb.ru

The relations of the representatives of family businessman town and district city of Tambov region in miscellaneous sphere to activity are analyzed. The nepotism in business was peculiar to Russian merchants. As object of the study we were chose succeeding merchant's families known in 19th century in two cities of Tambov region. Morshansk was a large centre to transit trade of agricultural product of Russian scale and significant river port in the first half of 19th century. Tambov was shown by centre business and public life region. Novelty of the study defines by detailed approach to study corporative-related relationships trade-business layers of Russian city, addresses to recovering the histories concrete family. Exactly corporative-related relationship, participation in powerful and public structures of the city, support of the local administration and gentry defined the economic position to families, its place in life of the city. The purpose of our study consists in tracking the influence of corporative-related relationships on processes social and territorial transportability of the population provincial city to Russia. Business activity defined the particularities to not only social transportability, but also demographic behavior merchants. In spite of the fact that the studied cities were large shopping centers, having constant relationships with many regions of the Russia, brides were chosen from "own", from familiar family because of the general economic interest.

Key words: family; merchants; household business; trade-business layer; household-business consolidation.